

К. М. ТАХТАРЕВ

*Б. Козаков
п-9
16.VIII.1932.*

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ (1893—1901 г.г.)

По личным воспоминаниям и заметкам

С приложением воспоминаний о
Владимире Ильиче Ульянове-
Ленине и партийном расколе

*Из библиотеки
См. См. Воша*

Рабочее Издательство «ПРИБОЙ»
Ленинград 1924

Дело Ульянова
97-4508/10

ГЛАВА VIII.

Вильна и граница. Группа Освобождения Труда. Известие о возникновении „Рабочей Мысли“ и образовании Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Зимняя стачка кончалась, когда мне стало известно, что отдан приказ о новом моем аресте. Посоветовавшись с моими ближайшими товарищами, я решил пробраться за границу. Мои друзья помогли мне выбраться из Петербурга. Я захватил с собою некоторые материалы, переписанные для меня из архива Союза, некоторые наиболее интересные сообщения наших рабочих и брошюры, которые желательнее было переиздать за границей, в числе их и брошюру „Об агитации“. Степан Иванович Радченко снабдил меня необходимыми адресами наших виленских товарищей, направив меня к Копельзону, при посредстве которого я мог немедленно же по приезде в Вильну увидаться с известным мне Александром Кремером, стоявшим во главе виленской организации и неоднократно приезжавшим в Петербург по случаю наших общих дел. Я уже упоминал, что Петербургский Союз Борьбы находился в связи с виленской организацией, которая всякими средствами помогала Союзу, в особенности доставкой заграничной литературы.

Приехав в Вильну, я немедленно же разыскал Копельзона, а скоро пришел к нему, извещенный Копельзоном о моем приезде, А. Кремер. Я ему рассказал, в чем дело, и попросил содействия по переправе через границу, на которой виленцы имели своих людей. Кремер обещал устроить мой переезд, но предупредил, что для этого потребуется некоторое время, необходимое для сношения с товарищами, жившими на границе. Так как мне предстояло пробыть в Вильне около двух недель, то Кремер и его друзья нашли мне весьма удобное помещение на окраине города у одного молодого польского социал-демократа, имя и фамилию которого я, к сожалению, в настоящее время не помню, хотя он сам сейчас, как живой, стоит передо мной в моей памяти. Это был молодой человек, очень преданный рабочему делу, которому он посвящал все свое время. Я с ним сразу сошелся, и мы очень хорошо провели время нашей совместной жизни.

Виленские товарищи очень интересовались ходом рабочего движения в Петербурге и деятельностью нашего Союза Борьбы. Поэтому немедленно по приезде я был засыпан вопросами и

просьбами обстоятельно рассказать о петербургском рабочем движении. Не менее интересовались им и представители польского социалистического движения, польской социал-демократии в особенности, а также и литовской. После того, как я вкратце рассказал об январских массовых забастовках, они немедленно же составили и распространили среди местных рабочих особое воззвание: „О значении петербургской стачки“. Так как меня про- просили рассказать историю развития движения в Петербурге, то, как я уже об этом упомянул в предисловии, я воспользовался днями своего вынужденного пребывания в Вильне, чтобы написать очерк движения по личным воспоминаниям. Этот очерк и является основной частью позже изданной работы. Переведенный на еврейский, польский и литовский языки, он сослужил свою службу для ознакомления соответствующих организаций с ходом рабочего движения в Петербурге.

Помню, когда известие о январской забастовке петербургских рабочих дошло до местных, оно вызвало среди них большое воодушевление, которое особенно сильно проявилось среди железнодорожных рабочих, тем более, что их рабочий день, благодаря тому, что, во время петербургской январской забастовки ткачей и прядильщиков, к их стачке примкнул и Александровский вагоностроительный завод, был значительно сокращен, согласно приказанию из Петербурга немедленно сократить рабочий день во всех железнодорожных депо, во избежание распространения забастовки и на железнодорожных рабочих.

Рабочее движение в Вильне носило более организованный характер, чем в Петербурге, но оно, конечно, не имело того значения, какое имело рабочее движение в столице. В Вильне было несколько социал-демократических групп, которые действовали среди рабочих; впрочем из них только еврейская представляла собой сколько-нибудь значительную организацию, имевшую среди рабочих большое влияние и хорошие связи с целым рядом городов.

Я только-что кончил свою работу по изложению истории развития движения в Петербурге, когда мне сообщили, что моя переправа через границу уже подготовлена и я могу трогаться в путь, и виленские товарищи дали мне адрес одного литовского товарища, врача, жившего около границы, который переправил меня к своему приятелю поляку, жившему на самой границе. Последний, повидимому довольно зажиточный человек, перевез меня через границу, устроив со своей женой прогулку в санях в ближайшее немецкое селение. Он был в хороших отношениях с пограничною стражей, и охранители границы даже не обратили внимания на то, кто еще находится в санях. Переехав границу, мои покровители привезли меня к своему приятелю часовщику, немецкому социал-демократу, который рано утром отправил меня с немецкой почтовой повозкой на ближайшую железнодорожную станцию, где я купил билет до Кенигсберга. Оттуда я вечером уже ехал в Берлин, имея при себе адрес нашего берлинского представителя, В. Бухгольца, сотрудничавшего в Vorwärts'e и

имевшего знакомых среди видных членов германской социал-демократической партии. Из их числа Бухгольц познакомил меня с Брауном, заведывавшим в то время политическим отделом Vorwärts'a. Немцы тоже интересовались происходившим в Петербурге, и Бухгольц, на основании моих сообщений, поместил соответствующую статью в Vorwärts'e. Еще более интересовалась происходившим в Петербурге наша русская молодежь, учившаяся в Берлине, среди которой было немало социал-демократов. Но я пробыл в Берлине лишь несколько дней и, запасшись некоторыми изданиями немецкой социал-демократической партии, поехал дальше. В феврале 1897 года я приехал в Женеву и прямо с вокзала отправился в типографию «Группы Освобождения Труда». Типографией заведывал Блюменфельд, который был и ее единственным наборщиком. Он дружески принял меня и помог мне устроиться, приютив меня сперва в типографии. В скором времени зашел в типографию Георгий Валентинович Плеханов, которого Блюменфельд известил о приезде участника Петербургского Союза Борьбы, товарища Витринского (таков был первоначальный мой псевдоним, под которым я первое время жил за границей).

Плеханов произвел на меня сильное впечатление и поразил меня своей моложавостью и своим молодцоватым видом. Он казался много моложе своих лет. Но еще больше поразил он меня своим бодрым революционным настроением настоящего вождя социал-демократии. Он сразу же начал расспрашивать о положении дел в Петербурге и в России вообще, а также о господствующих в революционной среде направлениях, интересуясь между прочим народовольцами, с которыми он в это время вел полемику за границей. Насчет народовольцев я немного мог рассказать ему, кроме того, как сильно эволюционировали они в сторону социал-демократии. Помню, я высказал ему свое сомнение в том, стоит ли тратить силу на полемику с ними, и это задело его за живое. Он был убежден, что народническое направление в России далеко не умерло и еще может ожить, а потому его следует добить. И в этом отношении он, конечно, был прав. Он словно предвидел зарождение в ближайшем будущем партии социалистов-революционеров. Он спрашивал меня о политическом настроении наших рабочих, и мои ответы, как показалось, в этом отношении не удовлетворили его. Я рассказывал ему о нашей успешной агитации на почве борьбы рабочих за улучшение своего положения, борьбы за свои повседневные нужды, за лучшие условия труда. Я рассказывал о стремлениях рабочих к организации, к устройству стачечных касс. А он, очевидно, ждал услышать от меня большего.

При дальнейших разговорах у нас опять зашла речь о народовольцах, которым Плеханов придавал немалое значение. Я же, наблюдая в Петербурге эволюцию народовольцев в сторону социал-демократии, не придавал в то время значения народническому направлению: я считал его отжившим свой век и думал, что нет особенной надобности продолжать с ним бо-

роться. Кроме того, меня несколько больно кольнуло отношение Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову. Хотя я и не считал Лаврова в числе своих „учителей“, так как на мое общественное мирозерцание больше всего повлияли Аристотель, Маркс и Чернышевский, но все же я уважал П. Л. Лаврова, с которым был знаком лично. Я видел в Лаврове одного из лучших представителей шестидесятых и семидесятых годов. Я любил его за его стремление к свободной критической мысли, за его высоко-развитые нравственные чувства и понятия, за его чуткое отношение к другим людям и в особенности к учащейся молодежи, которая окружала его, любила его и видела в нем своего учителя. Правда, находясь под влиянием Маркса и Чернышевского, я относился к автору „Исторических писем“ довольно критически, но все же слишком уж непочтительное отношение Плеханова к нему задело меня. На мою беду, как раз во время моего приезда в типографии „Группы Освобождения Труда“ набиралась статья Плеханова против народолюбцев, в которой он очень резко и даже грубо задевал Лаврова. Я теперь уже не помню заглавия этой статьи, но вспоминаю эпиграф, который стоял в начале ее и гласил: „Окружали меня тельцы мнози и тучны“. Я никогда не был особым любителем литературной полемики подобного рода, и эта статья Плеханова мне не понравилась. Не нравились мне и вообще отношения различных групп русских эмигрантов друг к другу. Мне казалось, что они могли бы жить и более мирно, помогая движению, происходившему в России. Не помню, быть может, эту мысль я высказал во время моего разговора с Георгием Валентиновичем. Во всяком случае Г. В. Плеханов почувствовал, что я не приветствовал той борьбы с народолюбцами, которую он вел в этот момент, и Плеханов заподозрил меня в некоторых симпатиях к ним. Как я узнал впоследствии, Плеханов заподозрил меня даже в стремлении примирить враждовавшие друг с другом группы русских эмигрантов. Но у меня были совсем другие цели и планы по отношению к заграничье, которые скоро отдалили меня от русской эмигрантской среды и приблизили к западно-европейской общественной жизни, познакомиться с которой поближе я так стремился.

Вопрос, по которому я несколько разошелся с Плехановым, был вопрос об издании рабочей литературы. Я привез с собою ряд брошюр, которые мы распространяли среди рабочих и учащейся молодежи и хотели издать („Рабочий день“, „Что надо знать и помнить рабочему“, „Об агитации“ и друг.). Плеханов же, а также и Аксельрод находили эти брошюры неудовлетворительными и не хотели их издавать. Конечно, эта литература была в некоторых отношениях неудовлетворительна. Но другой литературы в то время у нас для издания не было, и поэтому я настаивал на немедленном переиздании привезенных мною брошюр. Это Плеханову тоже весьма не понравилось. Не понравились ему, вероятно, и мои взгляды на существовавшие в то время отношения между рабочими и интеллигентами, игравшими роль исключительных руководителей почти во всех социал-демократических организациях,

подобно тому, как это было в нашем петербургском „Союзе Борьбы“. Я отстаивал мысль, что руководить рабочими организациями должны сами рабочие, а не интеллигенты, или что по крайней мере в центральную группу Союза подходящие для того рабочие должны входить на равных началах с интеллигентами.

Мои последующие разговоры с Плехановым ни к чему утешительному не привели, но выяснили лишь ряд разногласий между нашими взглядами на существовавшие отношения. Из других членов „Группы Освобождения Труда“ мне в это время удалось увидеться лишь с П. Б. Аксельродом, приехавшим в Женеву из Цюриха, да с Кольцовым (Гинсбургом), который примыкал к „Группе Освобождения Труда“ в качестве ее сотрудника и составителя „Листков Работника“. Помню еще Гукковского, который заходил в типографию побеседовать с Блюменфельдом и со мной. Никаких известий из России в это время я не получал и о судьбе своих петербургских товарищей и даже самых близких друзей ничего не знал. Это очень сильно меня беспокоило, как и неопределенное мое положение за границей без всякого дела. Все это привело меня к тому, что после первого же месяца жизни в Женеве я решил ехать обратно в Россию, в свой Петербург. По моей убедительной просьбе Блюменфельд раздобыл для меня заграничный паспорт на имя какого-то болгарского студента, учившегося в Женеве, и помог мне благополучно выбраться из Женевы. Не менее благополучно переехал я русско-австрийскую границу и в марте месяце снова был в Вильне, где поразил Кремера и его друзей своим неожиданным возвращением из заграницы. Я рассказал им о своих жевевских впечатлениях и сообщил, что еду в Петербург повидаться с друзьями. Они посоветовали мне обождать некоторое время в Вильне, пока не узнают о положении дел в Петербурге. Через несколько дней дошло до меня роковое известие о больших арестах, происходивших как раз в это время в Петербурге. Я все же решил ехать дальше, чтобы узнать все подробности. Я поехал в Юрьев (Дерпт), где жил в ссылке мой старый товарищ А. Ф. Никитин и куда должна была приехать на свидание со мной одна наша общая знакомая, примыкавшая к „Союзу Борьбы“, В. Ю. Котюхова. Она скоро приехала и сообщила о новом разгроме „Союза Борьбы“, об аресте всех наиболее близких мне товарищей, в числе которых находились и В. Н. Катин-Ярцев и А. А. Якубова. Известие об аресте моих единомышленников побудило меня переменить мое решение, и вместо того, чтобы ехать в Петербург, я решил возвратиться за границу. Но аресты преследовали меня дальше. Переехав с моим заграничным, болгарским паспортом германскую границу и приехав в Берлин, я оставил свои дорожные вещи на вокзале, а сам отправился в Шарлоттенбург к Бухгольцу, с которым столкнулся при выходе его из дома под-руку с каким-то пожилым господином. Приняв последнего за одного из немецких друзей Бухгольца, я поздоровался и был арестован. Оказалось, что у Бухгольца

только-что был произведен обыск и он был арестован. В предупреждение побега его вел под-руку агент немецкой полиции, который арестовал и меня за мое очевидное знакомство с Бухгольцем. Мы были немедленно же отведены в помещение управления шарлоттенбургской полиции, где нас немедленно разлучили. Его отвели в камеру, а меня оставили в канцелярии. Со мной была записная книжка с некоторыми адресами и тетрадь с составленной мною программой занятий в рабочих кружках. К счастью, мне удалось уничтожить эти вещи до следовавшего скоро личного обыска. Меня стали допрашивать относительно моего знакомства с Бухгольцем, которое я отрицал, объясняя, что поздоровался с ним на улице, по ошибке приняв его за своего знакомого. Так как меня не отпустили, то я объявил, что буду жаловаться своему „болгарскому“ послу за незаконную задержку берлинской полицией. Как ни странно, но эта угроза, повидимому, подействовала, и меня отпустили, не раньше впрочем, чем меня показали особому чиновнику, который прекрасно говорил по-русски. Но я, должно быть, достаточно недурно разыграл роль болгарского студента, случайно попавшегося в эту „историю“, и был отпущен в сопровождении агента полиции, который был послан на вокзал осмотреть оставленные на нем мои вещи, квитанция на которые была найдена при обыске. Обыск оказался безрезультатен, и мне было объявлено, что я свободен и, если желаю, то могу оставаться в Берлине. Но я в тот же день выехал в Женеву. Впоследствии я узнал, что арест Бухгольца и некоторых его знакомых русских студентов, учившихся в Берлине, был произведен шарлоттенбургской полицией под влиянием давления из Петербурга, откуда был прислан особый следователь по делу „Союза Борьбы“ и арестов среди русских студентов в Берлине, сочувствовавших социал-демократическому движению и знакомых с Бухгольцем, который считался берлинским представителем „Союза Борьбы“. Впрочем, берлинское дело „Союза Борьбы“ не дало никаких результатов его инициаторам и кончилось нагоняем шарлоттенбургской полиции, сыгравшей роль настоящей прислужницы русской охраны и действовавшей в данном случае даже без ведома высших властей.

Вернувшись в Женеву, я сообщил Плеханову известные мне подробности петербургских арестов и разгрома „Союза Борьбы“. Г. В. Плеханов был глубоко опечален моим сообщением и стал как-то ближе мне. Я же, предполагая в конце концов снова вернуться в Россию под видом иностранного рабочего, решил обучиться какому-нибудь ремеслу и познакомиться поближе с местной рабочей средой. Плеханов посоветовал мне уехать для этого из Женевы, чтобы не быть на виду у женевской полиции, которая зорко следила за русскими эмигрантами, и направил меня к своему швейцарскому другу Эритель, который был одним из видных деятелей швейцарского социалистического рабочего движения и жил в это время в Лозанне, работая, между прочим, над историей французской революции 1848 года. По словам Плеханова, в Лозанне я мог легче устроиться, в особенности

при содействии Эритье, к которому Плеханов дал мне рекомендательное письмо. Действительно, Эритье, дружески принявший меня, устроил меня в слесарную мастерскую, где я и стал проводить половину дня, изучая слесарное ремесло и приглядываясь к местным рабочим. Остальное время я тратил на пополнение своего образования. Швейцарские рабочие, с которыми мне удалось познакомиться, не поразили меня своим умственным развитием. Наоборот, я, к удивлению своему, увидел в их среде не мало невежества и отрицательного отношения к иностранцам, к некоторым из которых они относились, впрочем, с большим уважением. Так например, от знакомых швейцарских рабочих я слышал самые лестные и даже восторженные отзывы о д-ре Васильеве, который в это время заведывал рабочим секретариатом романской части Швейцарии и считался швейцарскими рабочими одним из любимых своих заступников и руководителей.

Во время моего пребывания в Лозанне в Швейцарию приехали Александр Кремер и представитель литовской социал-демократии, с которым я познакомился во время первого моего приезда в Вильну. Фамилию его я забыл. Между собой мы называли его „литовцем“. Они тоже желали переговорить и условиться с „Группой Освобождения Труда“ относительно совместной деятельности. Для этого они ехали в Цюрих, где жил П. Б. Аксельрод и Вера Ивановна Засулич, с которыми я успел уже познакомиться. В Цюрих же должен был приехать и Г. В. Плеханов. О Кремере я неоднократно говорил Плеханову, как о руководителе еврейской социал-демократической организации и стороннике тактики, обоснованной в брошюре „Об агитации“. Как я уже упоминал, Плеханов был весьма недоволен этой брошюрой и несогласен с обоснованной в ней тактикой агитации. Поэтому, как только он увидел Кремера, он ожесточенно напал на него. В результате вместо соглашения чуть не получился разрыв. При этом первом разговоре Плеханова с Кремером я не был. Я узнал о нем в тот же день вечером от Веры Ивановны Засулич, которую „Жорж“, как она называла Г. В. Плеханова, привел в настоящее отчаяние своим нападением на Кремера. „Что теперь будет?—воскликнула она:—Вместо соглашения с представителями товарищей, действующих в России, будет разрыв. „Александр“ (т.-е. Александр Кремер) ушел от нас, явно обиженный, и вероятно так и уедет обратно в Россию. А мы даже не знаем его цюрихского адреса, где он остановился! Очень просим вас, сведите вы нас с ним“. К этой же просьбе присоединился и Кошцов (Гинсбург), который был не менее обескуражен разговором Плеханова с Кремером. Я знал, где остановился Кремер, виделся с ним, но еще не знал подробностей его разговора с Плехановым. Я обещал переговорить с Кремером и постараться утром привести его к Вере Ивановне.

Но Плеханов предупредил меня. Он сам пришел ко мне в отель, где я остановился, рано утром. Еще не было восьми часов, когда служитель отеля известил меня, что какой-то господин очень желает увидеться со мной. Я был очень удивлен таким ранним

посещением „господина“, который даже не захотел об'явить своего имени, но домогается увидеть меня. Оказалось, это был сам Георгий Валентинович. Он, очевидно, был и сам очень собой недоволен. Поздоровавшись со мной, он мне сказал: „Тов. Витринский, не знаете ли вы адреса вашего виленца и не можете ли вы свести меня с ним? У нас с ним произошел пренеприятнейший разговор, который может привести к очень нехорошим последствиям. Помогите мне поправить это дело“. Я обещал сделать, что могу, и Плеханов ушел успокоенный. А я тотчас же отправился к Кремеру, который рассказал мне все подробности своего разговора с Плехановым, явно пораженный его тоном. Кремер в свою очередь был обескуражен этим разговором, но ничего не имел против нового разговора, в особенности после того, как я сообщил ему не только о смущении Веры Ивановны и Кольцова, но и о смущении этим разговором самого Плеханова, который явно желал поправить испорченное им дело. Мы решили устроить свидание с Плехановым в одном кафе, и я пошел за Плехановым. Придя, Плеханов, обращаясь к нам обоим, сказал: „Не будем говорить о том, кто более виноват: вы или я? Я готов признать, что я виноват на целых девять десятых, а вы только на одну десятую. Но право, не стоит об этом говорить. Лучше будем говорить о возможности совместной работы с нашими российскими товарищами“. После некоторого предварительного обмена мнений, мы порешили устроить общее совместное собрание с „Группой Освобождения Труда“, кажется в тот же день, под вечер, в лесу около Цюриха, предпочитая летом разговаривать на лоне природы. В назначенное время мы пришли в условленное место, где встретились с Г. В. Плехановым, Верой Ивановной Засулич, Кольцовым и Блюменфельдом. Насколько помню, кажется мне, П. Б. Аксельрода на этом собрании почему-то не было. Но и это наше общее совещание оказалось весьма неудачным благодаря Плеханову, не привыкшему, очевидно, терпеть возражений. Как только вопрос коснулся деятельности русских организаций и агитационной тактики на почве борьбы рабочих за улучшение своего положения, разговор начал принимать характер спора между Плехановым, с одной стороны, и мною и Кремером—с другой. Плеханов находил эту тактику неудовлетворительной и критиковал деятельность наших русских товарищей. Мы же ее защищали. Ему показалось, что мы его учим, и он крикнул нам: „Вас еще не было, а мы уже под виселицами ходили!“ Произнеся эти слова, Плеханов стал уходить. За ним, ни слова не говоря, пошла Вера Ивановна, а за ней также молча двинулись Кольцов и Блюменфельд. Мы остались молчаливыми свидетелями этой немой сцены, не зная, как на нее реагировать. Но правде сказать, мы не ожидали от Плеханова таких генеральских замашек. Поразило нас также и то, что, во время всего нашего разговора с Плехановым, ни один из остальных участников совещания не произнес ни единого слова, как будто в присутствии Плеханова они не могли иметь своего мнения или во всем решительно соглашались с ним. Мы поняли

таким образом то положение, которое занимал Плеханов в „Группе Освобождения Труда“, и что только его голос имел для присутствующих решающее значение. С весьма неприятным осадком в душе мы пошли домой с этого совещания, не зная, как выйти из создавшегося положения. Что происходило в это время среди членов „Группы Освобождения Труда“, я не знаю, но через пару дней мы получили приглашение на новое собрание, которое на этот раз должно было собраться у П. Б. Аксельрода. Это собрание уже носило совершенно иной характер. Оно было действительно деловым и товарищеским, и обмен мнений на нем шел довольно гладко. П. Б. Аксельрод принимал в нем самое деятельное участие, а Г. В. Плеханов говорил уже в ином тоне. Была выяснена необходимость объединения деятельности всех действующих в России социал-демократических организаций, представителем которых за границей должна была быть „Группа Освобождения Труда“. Таким образом было достигнуто полное соглашение, которое и было выражено в определенной письменной форме, набросанной, насколько помню, П. Б. Аксельродом.

После этого совещания я вернулся снова в Лозанну, куда, между прочим, ко мне как-то заехал А. Кремер с С. Н. Прокоповичем, приезжавшим в Женеву к Плеханову. С. Н. Прокопович очень интересовался рабочим движением в Петербурге и, узнав о том, что я не только один из „старых“ его участников, но что, кроме того, у меня имеется и мой очерк с описанием хода развития рабочего движения в Петербурге, приехал ко мне в Лозанну для выяснения некоторых вопросов, прося дать ему прочесть мою рукопись, после чего можно будет поговорить более обстоятельно.

В конце лета ко мне приехала на свидание соскучившаяся по мне моя мать с моим братишкой, и я бросил занятия в своей мастерской и поселился вместе с ними на самом берегу Женевского озера в Уши, намереваясь в скором времени покинуть Швейцарию. Меня тянуло в страну, в которой так мощно развивалось рабочее движение, в Бельгию. В Швейцарии оно мало проявляло себя, а мне хотелось получше его изучить и, если возможно, принять в нем непосредственное участие. Поэтому после отъезда моей матери в Петербург и я решил двинуться в путь. Простившись дружески с Плехановым и другими членами „Группы Освобождения Труда“ и состоявшего при ней Союза русских социал-демократов, с Кольцовым и Блюменфельдом, о котором у меня сохранились самые лучшие воспоминания, как о самоотверженном работнике, преданном делу социал-демократии и, в особенности, „Группе Освобождения Труда“, я направился в Брюссель, где быстро вошел в местную жизнь, приобретя целый ряд друзей среди членов бельгийской рабочей партии. Я принял некоторое участие в партийной работе, и мне удалось реорганизовать почти прекратившую свое существование брюссельскую партийную школу рабочих пропагандистов и агитаторов, которую я временно руководил, и это дало мне возможность приобрести очень широкие знакомства в партийной среде и хорошо ознакомиться с местною партийною жизнью. В этом отношении мне немало

помог Эдуард Серви, в высшей степени энергичный деятель бельгийской рабочей партии, бывший одним из редакторов центрального органа (Le Peuple), а впоследствии ставший секретарем возобновленного Интернационала (международного социалистического бюро). Он предложил мне поселиться у него. И мы скоро стали друзьями, работая в одном и том же направлении. Желая пополнить свое общее образование, а также завершить и медицинское, я поступил в новый Брюссельский университет, сразу на два факультета: юридический и медицинский. С особым интересом стал я слушать лекции Де-Грефа по социологии, которая начала меня увлекать в область науки. Начал я заниматься и в Брюссельской королевской библиотеке, не покидая и своих занятий слесарным ремеслом, работая в учебной мастерской, организованной Де-Брукером при Брюссельском новом университете. Правда, в конце концов я должен был от этого дела отказаться, так как мое увлечение чтением одновременно с занятиями в университете и в партийной школе уже не оставляли свободного времени. О моем пребывании в Бельгии у меня сохранились самые лучшие воспоминания, но о них не место рассказывать в этом очерке, посвященном петербургскому рабочему движению. Поэтому я ограничусь лишь упоминанием нескольких моментов из моей жизни в Бельгии, которые имеют некоторое отношение и к движению, происходившему в это время в России, в которую я в первое время продолжал мечтать возвратиться под видом рабочего. С Россией меня связывала не только моя прежняя жизнь, но и сношения с близкими мне людьми, среди которых А. А. Якубова занимала первое место. Она находилась в это время в тюрьме, но, при посредничестве моей матери, вела со мной самую оживленную переписку посредством обмена книгами, на страницах которых она условными знаками, отмечая буквы незаметным для постороннего глаза образом, с помощью условного шифра, делилась всеми своими личными переживаниями. Благодаря ей я не чувствовал себя одиноким и живя за границей.

Живя в Бельгии, в среде деятелей бельгийской рабочей партии, я почти не виделся с моими соотечественниками, за исключением трех-четырёх лиц, с которыми я случайно столкнулся. Первым из них был Максим Максимович Ковалевский, который по предложению Де-Грефа приехал в Брюссель из Парижа для прочтения краткого курса лекций в новом Брюссельском университете по вопросу об экономическом развитии России. Меня познакомил с Ковалевским один из лаборантов Брюссельского университета, который сам был русским. Ковалевский в это время очень интересовался развивавшимся в России рабочим движением, и ему указали на меня, как на лицо, от которого он может получить некоторые полезные ему сведения. Знакомый Ковалевского пригласил меня к себе, когда к нему должен был зайти и Максим Максимович, и у нас состоялась продолжительная беседа, в результате которой Ковалевский попросил у меня для прочтения мой рукописный очерк петербургского рабочего дви-

жения. В следующее наше свидание я сообщил Ковалевскому о своем увлечении социологией, и он посоветовал мне более серьезно отнестись к моему увлечению и начать более обстоятельно работать в этом направлении.

Второе мое знакомство, тоже случайное, было с П. Г. Смиловичем, который в то время жил в Льеже и, насколько помню, занимался в Льежском политехникуме. Он тоже принимал деятельное участие в местном рабочем движении и мечтал о возвращении в Россию под видом рабочего, что он в конце концов и осуществил, превратившись в рабочего еще в Бельгии. С ним я тоже очень близко сошелся, благодаря общности некоторых наших стремлений и участию в местном рабочем движении.

Третье мое русское знакомство в Бельгии было знакомство с Е. Д. Кусковой, с мужем которой, С. Н. Прокоповичем, я уже был знаком. Е. Д. Кускова по каким-то делам приехала в Брюссель из Берлина, где она играла руководящую роль в местных социал-демократических кружках русской учащейся молодежи, имея связи с Петербургом. От нее я впервые узнал о появлении в Петербурге в октябре и декабре 1897 года первых двух номеров „Рабочей Мысли“. Она резко критиковала этот рабочий орган, подчеркивая свое несогласие с его направлением, в котором сквозило отрицательное отношение к интеллигенции. Я же был очень им заинтересован. В конце концов Кускова предложила мне завязать через нее знакомство с одним из деятельных участников „Рабочей Мысли“ и ее представителем, который в это время был в Берлине, куда и Кускова должна была возвратиться через несколько дней. Я с радостью согласился на это предложение, и через некоторое время ко мне в Брюссель приехал из Берлина Карл Кок, который был действительно в это время не только самым деятельным участником „Рабочей Мысли“, но и главным ее организатором.

Впоследствии я узнал, что возникновение „Рабочей Мысли“ было связано с развитием деятельности двух рабочих кружков, из которых один находился в Петербурге, а другой в Колпине. Оба кружка состояли главным образом из заводских рабочих, имевших связи с интеллигентами. Петербургский рабочий кружок состоял главным образом из рабочих Обуховского завода, среди которых особенно выдавался Василий Поляков. Из интеллигентов участие в нем принимал мой старый товарищ по медицинской академии и деятельный член упоминавшегося мною нашего студенческого кружка Н. А. Богораз, который в это время был уже врачом, а также близкая ему и хорошо знакомая мне Н. Корсак-Кулаженко, бывшая учительницей школы при Обуховском заводе. А во главе колпинского кружка стоял рабочий Колпинского механического завода Яков Андреев и конторщик того же завода Фельдман. В нем участвовал целый ряд колпинских рабочих. Из интеллигентов в нем принимали деятельное участие жившие в Петербурге, но приезжавшие для занятий с рабочими в Колпину В. Надеина и другой член нашего акаде-

мического студенческого кружка П. А. Алексеев, а также Е. Крумзе и врач Мандельберг.

Оба кружка были связаны с рабочими кассами, из которых одна находилась за Невской заставой, а другая в Колпине. Были связи и с Союзом Борьбы через В. Надеину. Эти кружки, после выпуска первых номеров „Рабочей Мысли“, очень сильно пострадали от арестов их главных участников. Но на место арестованных стали другие лица. После разгрома первого колпинского рабочего кружка образовался второй, среди членов которого был молодой рабочий Колпинского завода И. Михайлов и другие рабочие того же завода. А руководителем петербургской группы „Рабочей Мысли“, среди рабочих-членов которой особо видное положение продолжал занимать В. Поляков, стал тот самый Карл Кок, который приехал ко мне в Брюссель. По своей специальности он был раньше садовником.

С помощью германских социал-демократов он наладил в Берлине дальнейшее издание „Рабочей Мысли“, материалы для которой поступали из Петербурга и состояли главным образом из сообщений рабочих с различных заводов и фабрик. Но литературные силы „Рабочей Мысли“ были очень бедны, и Кок обратился ко мне, приехав ко мне в Брюссель и прося меня принять участие в „Рабочей Мысли“. Он только-что выпустил третий номер и готовил четвертый, для которого требовалась руководящая статья. Так как я более чем сочувствовал самостоятельному выступлению рабочих и видел его в появлении „Рабочей Мысли“, то я с радостью согласился на сделанное мне предложение и дал две статьи для четвертого номера (передовицу и статью о стачках), которые и переслал с оказией Коку в Берлин, так как он после нашего разговора немедленно же уехал в Берлин, а потом и в Петербург. Это было, насколько помню, в конце лета 1898 года.

Весною этого года, живя в Бельгии, я узнал об образовании в России Российской социал-демократической рабочей партии, манифест которой, извещавший о ее возникновении, был написан П. Б. Струве. Ее образование было для меня полной неожиданностью и казалось мне преждевременным. Р. С.-Д. Р. П. была, как известно, плодом съезда в Минске нескольких членов (всего немногих русских социал-демократических организаций (Петербургской, Московской, Киевской и Екатеринославской) и еврейской (образовавшегося в конце 1897 г. Всеобщего еврейского рабочего союза или „Бунда“, руководящую роль в котором играл, как я упоминал, Александр Кремер). Образование Р. С.-Д. Р. П. было, впрочем, неожиданностью и для большинства членов тех самых организаций, „делегаты“ которых явились на Минский съезд, о созыве которого не знал не только ни один рабочий, но и большинство интеллигентов, принимавших самое деятельное участие в этих организациях.

Само собой разумеется, что созыв съезда с целью образования партии требовал особой тайны и конспирации. Однако, несмотря на это, все же нельзя было образовывать ее даже без ведома

членов тех самых организаций, самоизбравшиеся „делегаты“ которых явились на Минский съезд. В довершение всего, проявленная ими при этом самочинном образовании партии излишняя осторожность оказалась совершенно тщетною. Почти все участники съезда были, по окончании съезда, арестованы. Была захвачена и типография, в которой печатались манифест и официальный орган партии „Рабочая Газета“.

Появление этого манифеста, возвещавшего об образовании Российской социал-демократической рабочей партии без ведома самих рабочих, произвело на них тоже весьма неудовлетворительное и даже, пожалуй, отрицательное впечатление. Вот, например, что по этому поводу говорил Иван Васильевич Бабушкин в своих воспоминаниях, которые он дал потом мне прочесть во время свидания со мной за границей. Вернувшись из ссылки, Бабушкин некоторое время жил в Иваново-Вознесенске, принимая самое деятельное участие в местном рабочем движении. Там он был арестован, но бежал из тюрьмы на юг и поселился в Екатеринославе. Здесь он точно так же принял не менее деятельное участие в екатеринославской социал-демократической организации, в которой интеллигенты очень дружно работали сообща с рабочими. „К чести этой (екатеринославской) интеллигенции,— писал в своих воспоминаниях Бабушкин,— нужно сказать, что все время она почти ничего самостоятельно не предпринимала, раньше чем посоветуется с нами (т.-е. с рабочими), и потому в то время у нас так удачно все шло и развивалось и за все время не произошло почти ни одного разногласия“¹.

А вот что писал И. В. Бабушкин по поводу появления манифеста об образовании Р. С.-Д. Р. П.:

„Признаюсь, меня порядком поразил упомянутый манифест, так как в нем говорилось о представителе на съезде от г. Екатеринослава, а я знал, что у нас интеллигенции такой, которую можно было бы послать на съезд, не было. Точно так же не было ни разу упомянуто и о человеке, который бы мог туда поехать. Все это довольно неприятно и тяжело действовало на меня. Мне было ясно, что тут дело обстояло очень неудовлетворительно, и интеллигенция, поступившая таким образом, т.-е. пославшая представителя от города, поступила неправильно и даже преступно против рабочих, так как она рабочим даже не заикнулась о представительстве на съезде, а потому в глазах внимательного рабочего, принимающего участие, не могла не вызвать некоторого пренебрежения к такого рода приемам, и нужно было быть преданным делу, чтобы не подымать по этому поводу споров и не потребовать отчета“².

Слова Бабушкина могут служить очень убедительным и наглядным доказательством неудовлетворительности отношений, господствовавших в то время почти во всех наших социал-демо-

¹ Рукописные воспоминания И. В. Бабушкина.

² И. В. Бабушкин. Там же.

кратических организациях, начиная с петербургского Союза Борьбы. Неудовлетворительность этих отношений между рабочими и интеллигенцией, монополизировавшей руководство этими организациями, и была причиной возникновения организаций нового типа, лучшим образчиком которых служила группа „Рабочей Мысли“. И в ней принимали участие интеллигенты, но они участвовали в ней наравне с рабочими, как это и должно было быть во всякой настоящей социал-демократической организации.

Одна крайность всегда порождает другую и вызывает против себя очень резкий протест со стороны тех, кто от нее наиболее страдает. А рабочие очень страдали от засилия интеллигенции в социал-демократических организациях и очень сильно протестовали против этого. Наиболее крупным выразителем этого протеста и было выступление „Рабочей Мысли“, направленное в значительной степени против социал-демократической интеллигенции.

„Рабочую Мысль“ принято считать крайним выражением так называемого экономизма. Но мне кажется, что то направление, которое представляла собою „Рабочая Мысль“, было бы более правильно понимать, как стремление обосновать рабочее движение, как совершенно самостоятельное классовое движение, которое проявлялось в стремлениях рабочих к самостоятельности в деле улучшения своего положения и освобождения от всякого гнета. „Рабочая Мысль“ хотела видеть руководителями рабочего движения самих рабочих, а не интеллигентов, как бы они ни сочувствовали рабочему движению. Она хотела видеть в интеллигентах социал-демократах своих помощников, но не руководителей. Главной особенностью и существеннейшею чертой ее направления, мне кажется, был не экономизм, а стремление дать рабочим возможность проявить себя самостоятельно. „Рабочая Мысль“ провозглашала самоосвобождение рабочих и боролась с опекой интеллигенции над ними, но не имела ничего против интеллигентов, которые хотели действительно по-товарищески помогать рабочим в их борьбе и стремлениях к организации. Это был преимущественно орган класса, рабочего класса, провозглашавший освобождение рабочих „делом самих рабочих“. Более всего „Рабочая Мысль“ отстаивала самостоятельность рабочего движения, независимость его от движения других классов общества. Мне кажется, что в свое время истинные стремления „Рабочей Мысли“, ее направление были поняты далеко не совсем правильно.
